

«ПРИГОВОР»!

Моисей Азербайджаня. Фрагм. — 1991. — 220 стр.

Одним из самых страшных грехов во все века считалось самоубийство. Самоубийцам отказывали в отпевании, хоронили отдельно, им грозили вечной неприкаянностью души, которая не будет знать покоя до Страшного Суда... Но, тем не менее, люди продолжают приговаривать себя к смерти и страшная статистика показывает, что число самоубийц растет. Только в 1990 году в Азербайджане покончили жизнь самоубийством 232 человека, из них в возрасте: от 15 до 19 лет—21 человек, от 20 до 24 лет—24 человека и от 25 до 29 — 26. Пути, приводящие к этому страшному шагу могут быть различными, но все-таки основной причиной является то, что в самый последний, критический момент человек оставался один на один со своей болью и не оказалось рядом того, кто мог бы окликнуть: «Остановись!»...

Федор Михайлович Достоевский. Одиноким гением, Многие прибегают за помощью к его книгам, когда становится невыносимо плохо. Наверное, потому, что он, как никто другой смог прочувствовать настроение человека в такой момент...

«...В самом деле: какое право имела эта природа производить меня на свет, вследствие каких-то там своих вечных законов? Я создан сознанием воли и эту природу сознал: какое право она имела производить меня, без моей воли на то, создающего. стало быть, страдающего, но я не хочу страдать — ибо для чего бы я согласился страдать? Природа, через сознание мое, возвещает мне о какой-то гармонии в целом. Человеческое сознание наделало, из этого воззвещения религий. Она говорит мне, что я—хоть и знаю вполне, что в «гармонии целого» участвовать не могу и никогда не буду, да и не пойму ее вовсе, что она такое значит, — но что я все-таки должен подчиниться этому воззвещению, должен смириться, принять страдание в виду гармонии в целом и согласиться жить. Но если выбирать сознательно, то уж разумеется, я скорее пожелаю быть счастливым лишь в то мгновение, пока я существую, а до целого и его гармонии мне все равно нет никакого дела после того, как я уничтожусь — останется ли это целое с гармонией на свете после меня или уничтожится сейчас же вместе со мной. И для чего бы я должен был так заботиться о его сохранении после меня—вот вопрос? Пусть уж лучше я был бы создан как все животные, т. е. живущим, но не сознающим себя разумным: сознание же мое есть именно не гармония, а, напротив, дисгармония, потому что я с ним несчастлив. Посмотрите, кто счастлив на свете и какие люди соглашаются жить? Как раз те, которые похожи на животных и ближе подходят под их тип по малому развитию их сознания. Они соглашаются жить охотно, но именно под условием жить как животные, т. е., пить спать, устраивать гнездо и выводить детей. Есть, пить и спать по-человеческому—значит наживаться и грабить, а устраивать гнездо — значит по преимуществу грабить. Возрают мне, пожалуй, что можно устроиться и устроить гнездо на основа-

ниях разумных, но научно верных социальных началах, а не грабежом, как было доныне. Пусть, а я спрошу: для чего? Для чего устраиваться и употреблять столько страданий устроиться в обществе людей правильно, разумно и нравственно-праведно? На это уж, конечно, никто не сможет дать мне ответа. Все, что мне могли бы ответить, это: «чтоб получить наслаждение». Да, если б я был цветок или корова, я бы и получил наслаждение. Но, задавая, как теперь себе беспрерывно вопросы, я не могу быть счастлив, даже при самом вышнем и непосредственном счастье любви к ближнему и любви ко мне человечества, ибо знаю, что завтра же все это будет уничтожено: и я, и все счастье это, и вся любовь, и все человечество. — обратимся в ничто, в прежний хаос. А по таким условиям я ни за что не могу принять никакого счастья, — не от нежелания согласиться (принять его) не от упрямства какого-то из-за принципа, а просто потому, что не буду и не могу быть счастлив под условием прозвучающего завтра нуля. Это — чувство, это непосредственное чувство, и я не могу побороть его. Ну, пусть бы я умер, а только человечество оставалось бы вместо меня вечно, тогда, может быть, я все же был бы утешен. Но ведь планета наша не вечна и человечеству срок — такой же миг, как и мне. И как бы разумно, радостно, праведно и свято ни устроилось на Земле человечество—все это тоже приравнивается завтра к тому же нулю. И хоть это почему-то там и необходимо, по каким-то там всеильным, вечным и мертвым законам природы, но поверьте, что в этой мысли заключается какое-то глубочайшее неуважение к человечеству, глубоко мне оскорбительно и тем более невыносимо, что тут нет никакого виноватого.

И наконец, если бы даже предположить эту сказку об устроенном, наконец, на Земле человеке на разумных и научных основаниях — возможную, и поверить ей, по-

верить грядущему, наконец-то счастью людей, — то уж одна мысль о том, что природе необходимо было по какому-то там космическим законам ее, истязать человека тысячелетия, прежде чем довести его до этого счастья, одна мысль об этом уже невыносимо возмутительна. Теперь прибавьте к тому, что той же природе, допустившей человека, наконец-то, до счастья, почему-то необходимо обратит все это завтра в нуль, несмотря на все страдание, которым заплатило человечество за это счастье. И, главное, нисколько не скрывая этого от меня и моего сознания, как скрыла она от коровы, — то невольно приходит в голову одна чрезвычайно забавная но невыносимо грустная мысль: «Ну что, если человек был пущен на Землю в виде какой-то наглости пробы, чтоб только посмотреть: уживется ли подобное существо на Земле или нет?». Грусть этой мысли, главное — то, что опять-таки нет виноватого, никто пробы не делал, некого проклясть, а просто все произошло по мертвым законам природы мне совсем непонятным, с которыми сознанию моему никак нельзя согласиться. Следовательно:

Так как на вопросы мои о счастье я через мое же сознание получаю от природы лишь ответ: что могу быть счастлив не иначе как в гармонии целого, которого я не понимаю, и очевидно для меня, и понять никогда не в силах —

Так как природа не только не признает за мной права спрашивать у нее отчета, но даже и не отвечает мне вовсе — и не потому, что не хочет, а потому, что и не может ответить —

Так как я убедился, что природа, чтобы ответить мне на мои вопросы, предназначила мне (бессознательно), меня же самого и отвечает мне своим же сознанием (потому что я сам это все говорю себе) —

Так как наконец, при таком порядке, я принимаю на себя в одно и то же время роль писца и ответчика, подсудимого и судьи, и нахожу эту комедию со стороны природы совершенно глупой, а переносить эту комедию, с моей стороны, считаю даже унизительным —

То, в моем несомненном качестве истца и ответчика, судьи и подсудимого, я присуждаю эту природу, которая так бесцеремонно и нагло произвела меня на страдание, — вместе со мною к уничтожению... А так как природу я истребить не могу, то и истребляю себя одного, единственно от скуки сносить тиранию, в которой нет виноватого».

Ф. М. Достоевский
«ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ».
«ПРИГОВОР».
ОДИНОЧЕСТВО